

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

На базе Московского гуманитарного университета осуществляется научный проект по теоретико-методологическому обоснованию гуманитарной экспертизы. Проект разрабатывается совместными усилиями российских и украинских исследователей при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Публикуем материалы российско-украинского проекта, обсужденные его участниками в рамках совместной дискуссии, которая состоялась в октябре 2006 г. в Московском гуманитарном университете и Институте философии РАН.

Б. Г. Юдин

Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы

Один из главных векторов, которыми можно охарактеризовать направленность развития науки (да и техники) в последние десятилетия, — это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное «обволакивание» человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека. Наука и техника приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим произведением, проектируя не только для него, но и самого же его. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и т. п. биомедицинских исследованиях. К примеру, Ф. Фукуяма выделяет

науки о мозге, нейрофармакологию, исследования в области продления жизни и генетическую инже-

нерию в качестве таких «путей в будущее», неконтролируемое движение по которым может в корне изменить природу человека¹.

Симптомы этого изменения вектора развития науки вполне ощутимы не только внутри исследовательских лабораторий, но и на уровне ожиданий и предпочтений общества. Можно констатировать, что спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, серьезно трансформировался. Параллельно с этим меняются и ориентиры государственной научной политики. Отныне от научных исследований все больше начинают требовать того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять запросы общества и потребности человека.

Происходит переориентация финансовых потоков, направляемых на поддержку

Работа поддержана грантом РГНФ №06-03-91312а/У.

науки, при этом все больше средств выделяется на биомедицинские исследования. Так, в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия в США перед исследователями стали ставить такие амбициозные цели, как победа к заранее заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. И хотя полного триумфа в борьбе с ними добиться не удалось, успехи, достигнутые в этих направлениях, особенно в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, оказались в высшей мере впечатляющими. А по мере того, как люди на собственном житейском опыте ощущали те эффекты, которые порождены этими научными достижениями, все более разнообразными и настоячивыми становились и их запросы и вожеления, адресованные науке. Ее растущая практическая эффективность в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам рядового человека, таким образом, начинает действовать в роли стимула, ориентирующего и ускоряющего ее собственное развитие.

Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере бизнеса, который весьма преуспел в перенаправлении исследовательских интересов на создание того, что будет привлекательным именно для массового потребителя. И характерно, что как раз те отрасли индустрии, которые теснее других связаны с медициной, — фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, биотехнологические производства — оказались в числе наиболее успешных. Таким образом, люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях и на соответствующих промышленных предприятиях.

Научные исследования и бизнес все более интенсивно подстегивают друг друга, порождая и непрестанно обновляя технологии, которые благодаря массивному воздействию рекламы настойчиво навязываются рядовому человеку. Тенденция коммерциа-

лизации науки подкрепляется и усиливается тенденцией «онаучивания» бизнеса, включающего исследовательскую лабораторию в качестве уже едва ли не обязательного подразделения сколько-нибудь успешной фирмы. Исследование в современной науке — это в подавляющем большинстве случаев вовсе не стремление построить какую-то новую оригинальную теорию, а попытка создать эффективную технологию с хорошими рыночными перспективами.

Интересно сопоставить процессы переключения приоритетов науки в область биомедицины с тем, что происходило и происходит в области информатики и компьютерных технологий. Здесь ключевым моментом стало создание персонального компьютера, который стремительно вытеснил громоздкие и сложные в управлении ЭВМ прошлого. И опять-таки мы видим ту же самую тенденцию — современные технологии подходят все ближе к человеку, радикально меняя стиль его жизни, а вместе с тем — и его восприятие мира, и формы и направления его взаимодействия с миром.

Такое приближение науки к нуждам человека, впрочем, происходит отнюдь не безболезненно — за все приходится платить. Одна из наиболее серьезных составляющих этой платы — то, что возникает необходимость специально исследовать и сами потребности и нужды человека, и пути и способы их удовлетворения. А это, в свою очередь, означает, и возникновение насущной потребности в проведении все новых и новых экспериментов на человеке — именно для того, чтобы выяснить, как можно улучшить условия его жизни. Сам человек, таким образом, все чаще становится объектом самых разнообразных научных исследований.

Таким образом, научные исследования во все больших масштабах направляются на познание, с одной стороны, самых разных способов воздействия на человека и, с другой стороны, возможностей самого человека. Наиболее характерным выражением и того, и другого, естественно, оказываются многочисленные эксперименты, в которых

человек участвует в качестве испытуемого. Каждый такой эксперимент, вообще говоря, призван расширить наши познания о свойствах того или иного препарата, устройства, метода воздействия на человека и т. п. Необходимость его проведения при этом бывает обусловлена потребностями развития какого-то конкретного раздела биологии или медицины или другой области знания.

Если, однако, попытаться представить себе что-то вроде интегральной совокупности таких экспериментов (взятых безотносительно к дисциплинарной определенности каждого из них), то окажется, что она дает нам некое знание о человеке. Мы можем констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть эксперименты с участием человека. Но участие в таких экспериментах всегда сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых.

И в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты того же самого человека, ради которого и осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

* * *

В последние десятилетия в сфере биомедицинских исследований оформилась новая социальная практика, направленная именно на то, чтобы по возможности предвидеть и минимизировать риски и тяготы, которым подвергается человек, когда он становится участником таких исследований. Эта практика получила название этической экспертизы. Суть ее — в том, что *каждый* исследовательский проект может осуществляться

только после того, как заявка будет одобрена независимым *этическим комитетом*. Эта структура создается и существует именно для того, чтобы проводить этическую экспертизу.

Главная цель такой экспертизы — определить, с каким риском для испытуемых может быть связано их участие в исследовании, и оправдан ли этот риск значимостью тех новых научных знаний, ради которых предпринимается исследование. Речь, стало быть, идет об одном из механизмов защиты участников исследований. Таким образом, можно зафиксировать то, что этическая экспертиза — в отличие от гуманитарной экспертизы — во-первых, проводится в рамках специально для этого создаваемой и существующей структуры — этического комитета и, во-вторых, имеет достаточно четко определенные цели. Этические комитеты существуют в каждом научном учреждении, проводящем биомедицинские исследования с участием человека или животных.

Особой проблемой в проведении этической экспертизы является обеспечение *независимости* осуществляющей ее структуры, т. е. *этического комитета*. Эта проблема имеет много аспектов, остановлюсь лишь на одном из них. Независимость экспертизы предполагает, в частности, и то, что оценка риска для испытуемых не должна определяться исключительными интересами науки и общества. Как отмечается в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации — одном из наиболее авторитетных документов, в которых излагаются этические принципы медицинских исследований: «В медицинских исследованиях на человеке соображения, связанные с благополучием испытуемого, должны превалировать над интересами науки и общества»². Данная норма фигурирует и в других документах, обеспечивающих этическое и правовое регулирование биомедицинских исследований. Тем самым признается, что их проведение сопряжено с возможным конфликтом интересов, когда на одной чаше весов оказываются здоровье, благополучие, человеческое

достоинство и даже сама жизнь испытуемого, а на другой — перспективы получения новых научных знаний, потенциально важных для развития науки и (или) для борьбы с теми или иными болезнями, что может быть важно с точки зрения общества.

Для того чтобы способствовать соблюдению этого принципа и, более конкретно, обеспечивать — насколько это возможно — независимость позиции этического комитета от интересов исследователей, в числе членов этого комитета обязательно должны быть те, кто не является профессиональными медиками. Иначе говоря, в состав комитета входят как эксперты, компетентные в собственно научном содержании исследовательского проекта, так и «эксперты», не являющиеся профессионалами (по-английски — laupersons) в биомедицине.

Для первых важнее всего научная обоснованность проекта, что, между прочим, имеет весьма существенный этический смысл. Что касается непрофессионалов, то они должны представлять интересы не науки и не исследователей, а именно тех, кто участвует в исследовании в качестве испытуемых. Непрофессионал, или человек со стороны, может быть юристом, специалистом по этике, психологом, социальным работником, священником и т. п. Важно только, чтобы он никак не был связан с исследователями и с учреждением, проводящим исследование, и, таким образом, оценивал смысл и содержание исследования именно с точки зрения тех рисков и тягот, которыми оно чревато для испытуемых. Более того, особой проблемой оказывается сохранение у непрофессионалов той «наивности», неискушенности в отношении собственно научных вопросов, которая позволяет им оставаться не ангажированными при участии в экспертизе.

Одним из следствий участия в этической экспертизе непрофессионалов является то, что цели и задачи исследования, связанный с ним риск, наличие альтернативных методов диагностики или терапии и т. д. — все это должно быть объяснено в таких терминах, которые будут понятны непрофессионалу.

Необходимость такого «непрофессионального» объяснения обусловлена еще и тем, что для привлечения испытуемого к исследованию обязательным является получение его информированного согласия. Именно то обстоятельство, что непрофессионал в процессе экспертизы представляет интересы того человека, который будет участвовать в исследовании, и позволяет говорить о *гуманитарной* природе этической экспертизы. Эта экспертиза предназначена не для того, чтобы *решать что-то за человека*, а для того, чтобы *человек сам, и притом осознанно, мог участвовать в принятии затрагивающего его решения*.

* * *

Описанная в самых общих чертах практика этической экспертизы, на мой взгляд, может — естественно, с соответствующими модификациями — быть понята как образец, как частный случай другой социальной практики, которую принято называть *гуманитарной экспертизой*. В этом отношении принципиальное значение имеет то, что выше было охарактеризовано как суть этической экспертизы, а именно, ее направленность на защиту человека, оказывающегося в роли испытуемого при проведении биомедицинских исследований. Гуманитарную же экспертизу можно представить в качестве социальной практики, сутью которой является защита человека в той мере и в тех ситуациях, когда он подвергается воздействию (или, иначе говоря, когда ему приходится взаимодействовать) многочисленных новых технологий, включая технологии социальные.

Следовательно, область возможных применений гуманитарной экспертизы намного более широка и намного менее определена, чем более или менее жестко фиксированная область применения этической экспертизы. Далее я попытаюсь обрисовать некоторые аспекты этой неопределенности, имея при этом в виду, что сама по себе неопределенность отнюдь не всегда является недостатком, который следует как можно радикальнее изживать.

Во-первых, существует неопределенность по поводу того, чем является гуманитарная экспертиза — особым родом, формой деятельности либо особым социальным институтом? Если согласиться с первым, то мы можем трактовать ее как деятельность принципиально незавершенную, как прежде всего форму диалога, взаимодействия, коммуникации (коммуникативная рациональность³). При этом во главу угла ставится не столько конечный результат экспертизы, сколько процесс, в ходе которого участники приходят к более глубокому пониманию ценностей, мотивов действий и т. п. — и собственных, и своих оппонентов.

Во втором случае существенной, напротив, оказывается «конечность» экспертизы, которая должна приводить к принятию решений, поскольку сама она встроена в некоторые объемлющие структуры деятельности. При этом каждый отдельный эксперт выступает не столько в качестве одной из сторон диалога, сколько в качестве того, кто наделен определенной частью властных полномочий, распределенных между членами экспертной комиссии (комитета). Очевидно, рассматривавшаяся ранее этическая экспертиза относится ко второму типу ситуаций: целью является не столько коммуникация, сколько выработка окончательного решения. А это значит, что этическая экспертиза отнюдь не исчерпывает всех возможностей, которые несет в себе экспертиза гуманитарная.

Вообще говоря, было бы неверно трактовать гуманитарную экспертизу, скажем, какой-либо новой технологии как одноразовое мероприятие. Хотя во многих случаях одноразовой экспертизы и бывает достаточно, однако нередко не удается ограничиться только ею, а приходится отслеживать все новые и новые явления и эффекты, порождаемые данной технологией, оценивать вновь обнаруживающиеся ее возможности, как и факторы вызываемого ею риска.

Во-вторых, необходимо задаться вопросом о том, кто такой эксперт: изоцированный профессионал или «рядовой обыватель» (layperson)? Вот весьма характерное изложе-

ние первой позиции: «Эксперт — это хороший аналитик, подлинный ученый-исследователь, блестящий администратор... Эксперт — это исследователь назначенного предмета, профи в данной области, искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом научном и практическом пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов»⁴.

В этой характеристике обращает на себя внимание постулируемая исключительность не только профессиональных, но и личностных качеств. Вместе с тем остается непонятным, кто и как будет оценивать наличие и степень выраженности у конкретного индивида всех этих качеств. Не предполагается ли при этом наличие особого класса экспертов по экспертам, т. е. тех, кто полномочен делать выбор среди совокупности кандидатов? Более того, во власти таких суперэкспертов неизбежно оказывается и установление «назначенного предмета», и выявление «нужной сферы», и задание «определяемого научного и практического пространства».

Мне представляется, что от участника гуманитарной экспертизы, вообще говоря, вовсе не обязательно требовать всех этих исключительных качеств. Более того, во многих случаях именно для гуманитарной экспертизы первостепенное значение имеет способность эксперта адекватно выразить интересы, надежды и опасения того самого «рядового обывателя», о чем уже шла речь при обсуждении этической экспертизы. Например, сегодня в обществе идут острые дискуссии о модернизации (или реформировании) образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. п. На мой взгляд, принципиальная ограниченность многих таких дискуссий обусловлена тем, что в них участвуют только «спецы» с их ведомственно задаваемым и очерчиваемым кругозором. Между тем крайне ограниченными оказываются возможности представить свои позиции у тех, на кого, собственно, эти модернизации и реформы направлены и кто непосредственно на себе будет испытывать последствия этих реформ.

В качестве конкретного примера более широкого понимания экспертизы мы можем сослаться на опыт проведения в 1994–1995 гг. междисциплинарной экспертизы, объектом которой было содержание гуманитарного образования в средней школе⁵. Экспертиза проводилась в рамках программы «Трансформация содержания гуманитарного образования», осуществлявшейся фондом «Культурная инициатива». К роли экспертов намеренно были привлечены специалисты-гуманитарии, не связанные непосредственно со школьным преподаванием. Это было сделано для того, чтобы выявить представления не столько профессиональных педагогов (на которых не может не сказываться груз устоявшихся стереотипов), сколько более широкого, «экстрапедагогического» гуманитарного сообщества, так как в условиях глубоких реформ, переживаемых нашим образованием, необходим более широкий и объемный взгляд на содержание гуманитарных знаний, преподаваемых будущим поколениям россиян.

Экспертам, представлявшим такие дисциплины, как история, экономика, этика, политология, культурная география, экология, право, философия и т. д., было предложено ответить на вопросы, касающиеся:

— общей оценки сложившейся системы гуманитарного образования и его содержания;

— определения того, что в рамках учебных курсов утратило актуальность, а также «лакун», т. е. тех фрагментов гуманитарного знания, которые, по мнению экспертов, обязательно должны быть усвоены школьниками, но отсутствуют в нынешних программах и учебных курсах;

— выявления «сквозных» тем, освещение которых не может быть ограничено рамками какого-то одного учебного предмета.

Благодаря проведенной экспертизе удалось сформулировать конкретные предложения по поводу изменений, которые необходимо внести в содержание школьного гуманитарного образования.

В-третьих, с только что рассмотренной неопределенностью тесно связана еще одна. Коль скоро мы говорим о *гуманитарной экс-*

пертизе, естественно задаться вопросом: является ли она гуманитарной в смысле применяемого инструментария либо в смысле решаемых ею задач?

В первом случае имеется в виду следующее: экспертизу делает гуманитарной то, что в качестве экспертов выступают представители различных областей гуманитарного знания. Аргументация при этом бывает примерно такой. Каждая из гуманитарных (или, может быть, социально-гуманитарных) дисциплин так или иначе изучает человека, но при этом каждая из них воспринимает его в своем контексте. Иначе говоря, каждая из них по-своему конструирует человека как предмет изучения. В результате в дисциплинарных рамках человек осмысливается в соответствующей перспективе: как «*Homo economicus*», «*Homo sociologicus*» и т. п. Таким образом, та или иная, в общем-то, частная по отношению к нему квалификация мыслится как его всеобщее определение, как *differentia specifica*. Гуманитарная же экспертиза, будучи междисциплинарной, позволяет преодолеть эти ограничения.

Вызывает, однако, сомнения то, удастся ли при этом отойти от предметного (будь оно даже «межпредметным») восприятия человека. Мне представляется, что гуманитарный характер экспертизы можно и нужно понимать иначе — в смысле ее отнесенности к человеку как таковому, который выступает в этом случае как своего рода «точка отсчета».

Разумеется, при этом возникает вопрос о том, можно ли, и если да, то какими средствами, отойти от предметного восприятия человека. У меня нет готового ответа на этот вопрос, но я думаю, что средством выхода за рамки такого сугубо предметного понимания человека является открытая — и, разумеется, методологически проработанная — апелляция к ценностным установкам эксперта. Взаимодействие экспертов при этом будет выступать как сопоставление и взаимодействие не только различных сфер знания, но и различных (и притом эксплицированных!) ценностных позиций в отношении к че-

ловеку. В таком случае можно надеяться, что гуманитарная экспертиза будет экспертизой *не по поводу человека*, а экспертизой *для человека*.

В-четвертых, имеет смысл задаться таким вопросом: а что является объектом гуманитарной экспертизы — тот или иной предмет, который воздействует на человека и с которым человеку приходится так или иначе взаимодействовать, либо технология как нечто включающее не только предмет, но прежде всего — возможные способы взаимодействия с ним?⁶

Наиболее естественно понимать в качестве объекта гуманитарной экспертизы прежде всего научно-технические или социальные новации. Однако здесь необходимы некоторые уточнения и пояснения. Вообще говоря, всякое новшество, входящее в нашу жизнь, в социальную практику, можно рассматривать как некоторый «предмет» (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Такое «предметоцентрическое» понимание, впрочем, нередко оказывается чересчур узким, теперь уже в силу не столько того, что человек при этом отодвигается на второй, если угодно, служебный, план, сколько того, что это новшество, помимо того что оно есть определенный предмет, предполагает также и определенные способы, практики его применения, оперирования с ним и т. п.

И на личностном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряженные способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и наконец те изменения в нас самих, которые вызываются этими взаимодействиями. Иначе говоря, мы имеем дело не столько с самими по себе предметами, сколько с сопряженными технологиями.

Впрочем, не только в онтологическом, но и в методологическом отношении в процессе гуманитарной экспертизы имеет смысл об-

ращаться не к предметам, а к технологиям, поскольку лишь при таком подходе мы можем осмысленно выделять и факторы риска, и те параметры, на которые можно воздействовать и которые можно изменять. Именно технологии — в отличие от изолированных предметов — обладают теми свойствами комплексности и целостности, которые и позволяют их рассматривать в качестве объектов при проведении гуманитарной экспертизы. (Замечу, что в качестве технологий, подвергающихся экспертизе, могут выступать и социальные нововведения, например решения законодательной или исполнительной власти, дающие начало новым *социальным практикам*, т. е. новым формам взаимоотношений между людьми и социальными институтами, причем таких, которые несут не разовый характер, а воспроизводятся в сходных ситуациях.)

* * *

Таким образом, гуманитарная экспертиза сегодня — это феномен, имеющий множество неопределенностей. Именно это обстоятельство я и стремился подчеркнуть в данной статье. Более того, мне представляется принципиально важным исходить из максимально широкого понимания гуманитарной экспертизы, налагая на него там и тогда, где и когда это необходимо, те или иные ограничения. В конечном счете, любой анализ, направленный на оценку всех тех воздействий, которые оказывает на человека новая технология, можно воспринимать именно в таком качестве. А это значит, что, вообще говоря, каждый, кто начинает размышлять о социальных и человеческих последствиях применения новой технологии, выступает в роли эксперта.

При таком оперировании с понятием гуманитарной экспертизы какие-то из описанных в статье, как и многих других, неопределенностей, видимо, в дальнейшем будут разрешены. Вместе с тем многие из них, на мой взгляд, внутренне присущи гуманитарной экспертизе как особому виду деятельности. Сомнений в том, что эта деятельность стано-

вится и будет становиться все более социально значимой, у меня нет. Более того, осуществляемая в тех или иных формах гуманитарная экспертиза уже сегодня представляется мне необходимой составляющей нашего человеческого бытия, коль скоро нам придется жить в качестве людей в мире, подверженном разнообразным и чрезвычайно интенсивным воздействиям множества технологий.

¹ См.: Fukuyama F. *Our Postmodern Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. New York, 2002.

² См.: Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации // Кэмпбелл А.,

Джиллет Г., Джонс Г. *Медицинская этика*. М., 2004. С. 382.

³ См.: Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // *Человек*. 1991. №1. С. 86-93; Skirbekk G. *Rationality and modernity*. Oslo, 1993.

⁴ См.: Ярская В. Н. *Методология конструирующей экспертизы: опыт работы эксперта* // *Современное российское общество: власть экспертизы*. Саратов, 2003. С. 7-15.

⁵ См.: Рубцов А. В., Юдин Б. Г. *Новые ориентиры гуманитарного образования* // *Человек*. 1995. №2-4.

⁶ См.: Ашмарин И., Юдин Б. *Основы гуманитарной экспертизы* // *Человек*. 1997. №3. С. 76-86.